

ТОТЕМ 3

ИЗБРАННИЦЫ
СУДЬБЫ

ЛЮДМИЛА БЕШЕНЦЕВА

Людмила Бешенцева

Тотем 3: Избраницы судьбы

«Автор»

2026

Бешенцева Л. С.

Тотем 3: Избраницы судьбы / Л. С. Бешенцева — «Автор», 2026

Двадцать лет — как один выдох. Субару выросла тихой, как вода в горном озере: серебряные волосы, янтарные глаза, книги до рассвета. Цудзуми — рыжей, как лесной пожар: зелёные глаза, смех, от которого дрожат стены, и вечно сбитые коленки. На слёт ёкаев съезжается весь мир духов. Среди гостей — те, чьи судьбы были написаны задолго до их рождения. Один — дракон с меткой на запястье. Двадцать лет он знал, что встретит ту, кого предназначала ему судьба. И двадцать лет боялся — ибо не ведал, что свяжет его с ней: любовь или проклятие. Другой — без рода, без имени. С голодом, что древнее звёзд. Этот мужчина не ждал, столетиями искал. И наконец обретет желаемое — ибо жемчужина, которую он так долго искал, наконец рядом. Одна встреча разделит сестёр. Одна тайна перевернёт всё. И нить, что когда-то связала лиса и дракона, потянется дальше — к тем, кто ещё не знает, что их судьбы уже сплетены.

© Бешенцева Л. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Людмила Бешенцева

Тотем 3: Избраницы судьбы

Глава 1

Прошло двадцать лет.

Мир духов не менялся — он просто жил, как и всегда: медленно, величаво, подчиняясь ритмам, древнее, чем само время. Но те, кто населял его, менялись. Дети росли. Хвостов становилось больше. Сердца учились любить и бояться по-новому.

Субару и Цудзуми выросли.

Субару — или Суру, как звали её домашние, — была старшей на несколько минут. Она унаследовала серебряные волосы отца и его спокойствие: то самое, что позволяло ей часами сидеть над свитками и не замечать, как проходит день. У неё было семь хвостов, серебристых с золотыми кончиками, и глаза цвета тёмного янтаря. Красота её была тихой, глубокой, как вода в горном озере, — такой, что не бросается в глаза сразу, но остаётся в памяти навсегда.

Цудзуми — или Цуми, как звали её все, кто уставал выговаривать полное имя, — была её полной противоположностью. Рыжая, как мать, с зелёными глазами, в которых вечно плясали бесенята, она носилась по дворцу, сшибая вазы и доводя наставников до седых волос. Пять хвостов — рыжих, пушистых, с золотым отливом — вечно торчали из-под кимоно, сколько бы её ни просили спрятать. Она была ветром. Порой была пожаром. Как была и той самой девочкой, что родилась в ночь, когда два дома стали одним, и получила благословение самой императрицы.

А Данги — та самая Данги, что когда-то ворвалась в покои раненого дракона с рисовым шариком в ладони и заявила, что он слишком бледный, — выросла в прекрасную молодую женщину с шестью хвостами и взглядом, от которого мужчины теряли голову. Она вышла замуж за Дариона, среднего брата Хизер, и теперь жила на границе двух миров, соединяя Западный дворец с императорским домом. У них родился сын — рыжий, как мать, с драконьими чешуйками на висках. Назвали его Миро.

А Рейз... Рейз ждал. Он ждал двадцать лет, с тех пор как на его запястье вспыхнула метка — тонкая, как рисунок тушью, с двумя сплетёнными ветвями. Он знал, что Субару, старшая из двойняшек Нацумэ и Ханга, ещё слишком мала. Но время для драконов и лисов течёт иначе. Двадцать лет — не срок. Особенно если знаешь, что ждёшь не напрасно.

И вот настал день слёта всех существ мира подземного.

Слёт ёкаев был событием, которое случалось раз в семь лет. Со всех концов мира духов съезжались главы кланов, старейшины, наследники, послы. Императорский дворец готовился к нему три месяца: чистили залы, обновляли фрески, ткали новые гобелены, расставляли в вазах живые цветы, что цвели круглые сутки, повинувшись чарам садовников.

Нацумэ стояла на балконе своей башни и смотрела, как внизу суетятся слуги, как разгружают повозки, как встречают первых гостей. Ветер трепал её серебристо-рыжие волосы — с годами они стали светлее, как у матери-корейки, но в них всё ещё прятались рыжие пряди, напоминание о былых жизнях. Девять хвостов — её гордость, её сила и память — мягко колыхались за спиной.

— Волнуешься? — Ханг подошёл сзади и обнял жену за талию.

— Немного, — призналась она. — Столько гостей. И все будут смотреть на наших дочерей.

— Пусть смотрят, — ответил он. — Они у нас красивые.

— Они у нас истинные лисы, — поправила Нацумэ. — А наши ещё и с особой судьбой, без того всегда привлекают внимание.

Ханг рассмеялся и поцеловал её в висок. Потянув в спальню.

Банкет начался с закатом.

Большой зал — тот самый, где когда-то судили Харуё, — теперь был залит светом тысячи фонариков. Столы ломились от яств: жареная рыба, рисовые лепёшки, маринованные овощи, сладкие шарики с красными бобами, вино из горных трав. Музыка плыла над головами — флейты, струны, барабаны, — и в этом море звуков тонули голоса сотен ёкаев.

Субару сидела рядом с матерью, сложив руки на коленях. Она не любила шумные сборища. Слишком много взглядов, лживых улыбок, которые не касались глаз. Но сегодня она была спокойна. В этот день что-то было в воздухе — что-то, похожее на предвкушение.

Цуми, напротив, сидела на краю скамьи и вертела головой, пытаясь разглядеть всех сразу. Ей было весело, да и очень любопытно. Она хотела танцевать, петь, смеяться — и плевать, что отец строго смотрел на неё из-за плеча матери.

А потом в зал вошли они.

Драконы Запада.

Рейз шёл первым — высокий, с резкими чертами лица, унаследованными от отца-владыки, и глазами, тёмными, как горный хрусталь. Его волосы, чёрные, как вороново крыло, были собраны в высокий хвост. Он был одет в тёмно-синее хаори с серебряными драконами, и во всей его фигуре чувствовалась та сдержанная сила, что бывает у тех, кто привык ждать.

Он не смотрел по сторонам. Его взгляд скользил по залу, ища кого-то. И когда нашёл — остановился.

Субару сидела у стола, рядом с матерью. Её серебряные волосы поблёскивали в свете фонариков. Она подняла глаза — и встретила с ним взглядом.

Мир замер.

Она не знала, кто он. Ведь до этого никогда его не видела. Но что-то в её груди дрогнуло — тепло, знакомое, как запах дома. И на запястье, там, где не было никаких меток, вдруг заняло — тонкая, как струна, метка.

Рейз смотрел на неё, и в его глазах медленно разгоралось что-то, чего он не испытывал двадцать лет. Узнавание. Облегчение. Счастье.

Он шагнул вперёд. Субару поднялась со скамьи, не понимая, что делает. Их разделяло ползала — но им казалось, что и шага не было. Когда Рейз оказался рядом и склонился над её рукой, почти коснулся губами её пальцев, — она услышала собственный голос, тихий, как шёпот:

— Кто вы?

— Тот, кто ждал тебя, — ответил Рейз. — Очень долго.

Субару смотрела на него, и в его глазах, тёмных, как янтарь, медленно разгоралось что-то, чего она не понимала. Но это было правильно. Это было так, как должно быть.

— Я не знаю вас, — прошептала она. — Но почему-то... мне кажется, что знаю. Давно. Целую жизнь.

Рейз улыбнулся — впервые за двадцать лет по-настоящему.

— Может, и не одну.

А Цуми в это время уже не сидела на месте.

Пока родители отвлеклись на Субару и драконов, она выскользнула из-за стола и пробралась в толпу. Танцы, музыка, блеск — всё это было слишком заманчиво, чтобы сидеть. Девушка кружилась между гостями, улыбалась незнакомцам, ловила чужие взгляды — и наслаждалась.

А потом увидела незнакомого мужчину.

Он стоял у колонны, в стороне от всех. Высокий, стройный, с длинными волосами цвета тёмной воды, в которых, казалось, текли реки. Глаза — глубокие, как омут, с едва заметными

змеиными зрачками. Незнакомец не улыбался, просто смотрел на неё. И от этого взгляда по спине Цуми пробежали мурашки.

Она подошла сама. Не потому что хотела, ноги сами понесли её. Он не двинулся навстречу. Не поклонился. Только склонил голову чуть набок, как змея, изучающая добычу.

— Ты не танцуешь, — сказала Цуми.

— Не люблю толпу, — ответил он. Голос был низкий, спокойный, с лёгкой хрипотцой.

— А ты?

— Я танцую со всеми.

— А со мной?

Девушка замерла. Что-то в его тоне — не насмешка, не вызов, а что-то глубже — заставило её сердце биться быстрее.

— Кто ты? — спросила она.

— Минхо.

Он не добавил ни титула, ни имени клана. Просто Минхо. Как будто этого было достаточно.

Цуми открыла рот, чтобы ответить, — и в этот миг чья-то рука легла на её плечо. Твёрдая. Властная.

— Идём, — сказал Ханг.

Отец стоял за её спиной, и в его глазах горело что-то, чего Цуми никогда не видела раньше. Тревога и гнев.

— Отец, я...

— Идём.

Он не повысил голоса. Но в этом тихом приказе было столько силы, что Цуми не посмела спорить. Она бросила последний взгляд на Минхо — и на мгновение ей показалось, что в его глазах мелькнула улыбка.

Новый знакомый не боялся, лишь отступил. Смотри, как Ханг уводит дочь.

А потом отвернулся, уже без интереса осматривая банкетный зал.

Ханг привёл Цуми в малый зал, где никого не было. Закрыв дверь и только тогда обернулся к ней.

— Ты хоть знаешь, кто это был?

— Я не знаю, — честно ответила Цуми. — Он назвался Минхо.

— Просто Минхо, ну, конечно, — повторил Ханг, и в его голосе было что-то, от чего Цуми стало не по себе. — Я знаю, кто он, и ты не будешь с ним говорить более.

— Но почему? — Цуми вскинула голову, и в её зелёных глазах вспыхнул знакомый огонь. Тот самый, что когда-то заставлял её мать бросаться на медведя. — Ты не можешь просто запретить мне! Я не ребёнок!

— Ты моя дочь.

— Это не ответ! — она сжала кулаки. — Кто он такой? Почему ты так испугался? Ты никогда никого не боялся, отец! Ни скверны, ни духов, ни самого императора! А тут — какой-то незнакомец с глазами змеи, и ты уводишь меня, как нашкодившего щенка!

— Потому что он опасен, — отрезал Ханг. — Опаснее всех, кого ты можешь себе представить. Я знаю точно, рядом с ним тебя постигнет беда. Ведь чувствую его природу. Она голодная. Древняя. Он пришёл сюда не просто так. И смотрел на тебя, как на добычу.

Цуми вздрогнула. Слово «добыча» резануло слух — потому что она сама почувствовала то же самое. Но признаваться в этом отцу не собиралась.

— Может, тебе показалось, — буркнула она, отворачиваясь.

— Цуми.

— Что?

— Посмотри на меня.

Она нехотя подняла глаза. Отец смотрел на неё — и в его взгляде не было гнева. Только страх. Тот самый, что бывает у родителей, которые слишком хорошо знают, как быстро мир может отнять самое дорогое.

— Я не могу потерять тебя, — сказал он тихо. — Ни тебя, ни Субару, ни Сюя, ни Данги, ни твою мать. Я уже терял всё однажды. Две тысячи лет ждал, чтобы вернуть. Не заставляй меня пройти через это снова.

Цуми замерла. Что-то в его голосе — глухое, надломленное — погасило её злость.

— Хорошо, — сказала она наконец. — Я не буду с ним говорить.

Она не соврала. Ведь действительно не собиралась говорить с Минхо. Но встретить его снова — встретить, а не говорить — это ведь другое. Это ведь не запрещено.

Ханг кивнул, обнял её крепко, как в детстве, и прошептал:

— Спасибо.

А где-то в глубине зала, среди танцующих, Минхо смотрел на закрытую дверь. И улыбался — тихо, одними губами.

— Ещё не время, — прошептал он. — Но я подожду. Я умею ждать добычу.

Он не сказал «свою». Слово застряло где-то в горле. Минхо нахмурился, не понимая, откуда взялась эта заминка. И, отбросив её, растворился в тени колонн.

А Цуми, вернувшись в свои покои после разговора, долго не могла уснуть. Девушка лежала на постели, глядя в потолок, и перед её внутренним взором снова и снова всплывало лицо незнакомца. Глаза цвета омута. Голос с хрипотцой. Взгляд, от которого по коже бежали мурашки.

Она не понимала, что с ней происходит. Знала только одно: что хочет увидеть его снова. Несмотря на запрет отца. Несмотря на собственный страх. Несмотря ни на что.

И эта мысль пугала её больше, чем сам Минхо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.